

The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies

Issue 3 (2005)

The Military and Society in Post-Soviet Russia

Manfred Sapper

Повседневность Воинственности в России : Наследие Милитаризованного Социализма ?

Warning

The contents of this site is subject to the French law on intellectual property and is the exclusive property of the publisher.

The works on this site can be accessed and reproduced on paper or digital media, provided that they are strictly used for personal, scientific or educational purposes excluding any commercial exploitation. Reproduction must necessarily mention the editor, the journal name, the author and the document reference.

Any other reproduction is strictly forbidden without permission of the publisher, except in cases provided by legislation in force in France.

revues.org

Revues.org is a platform for journals in the humanites and social sciences run by the CLEO, Centre for open electronic publishing (CNRS, EHESS, UP, UAPV).

Electronic reference

Manfred Sapper, « Повседневность Воинственности в России : Наследие Милитаризованного Социализма ? », *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies* [Online], Issue 3 | 2005, Online since 03 October 2005, connection on 04 February 2012. URL : <http://pipss.revues.org/381>

Publisher: Centre d'études et de recherche sur les sociétés et les institutions post-soviétiques (CERSIPS)

<http://pipss.revues.org>

<http://www.revues.org>

Document available online on:

<http://pipss.revues.org/381>

Document automatically generated on 04 February 2012.

Creative Commons License

Manfred Sapper

Повседневность Воинственности в России : Наследие Милитаризованного Социализма ?

Мы служим в армии, потому что мы ничего другого не умеем. Кто бы сегодня еще захотел стать офицером, если бы смог работать в банке?

Русский офицер на чеченской войне².

- 1 Распад Советского Союза остается событием эпохальным. Он отмечает конец конфликта Востока и Запада. Как видно, смена политической и экономической систем в большинстве государств-наследников СССР стала завершением фазы универсальных претензий социализма на значимость в качестве модели социально-экономического, общественного и государственного устройства. Примечательным остается относительно мирный характер этого распада. В отличие от крушения прежних мировых империй дезинтеграция крупнейшего многонационального государства Нового времени произошла не вследствие внешних насильственных влияний или же втягивания в крупномасштабную войну, какой явилась Первая мировая для Австро- Венгерской монархии, Османской или российской империй. Советский Союз прекратил свое существование в силу внутренней слабости: структурных изъянов экономической модели, недоста точной способности к модернизации, из-за начавшегося с конца 70- х гг. Отказа населения признавать легитимность господства коммунистической партии, а также из-за нерешенного национального вопроса.
- 2 Более того, насилие, воинственность и (гражданская) война даже внутри страны играли в процессе ее распада только подчиненную роль. Это тем более удивительно, что потенциал конфликтов был весьма значительным, а конфликтующие стороны располагали в большом количестве средствами насилия. Советский Союз, помимо прочего, представлял собой одно из самых милитаризованных обществ XX века, что не могло не сказаться на форме разрешения внутренних конфликтов. Конфликты, хотя и являются универсальным феноменом, однако понимание их природы и способы их урегулирования обусловлены структурой общества, его культурой и историческим контекстом. Начиная с 1917 г. страна на протяжении трех десятилетий была ареной внутренних и внешних войн, отмеченных к тому же чудовищными проявлениями насилия и деструктивности, которые глубоко закрепили чужой и свой личный опыт уничтожения в коллективной памяти людей. Повседневную жизнь всей второй половины века все больше определяла подготовка к следующей войне. Все это оказало влияние на формы общественной организации, на установки и социальные практики людей в Советском Союзе.
- 3 Исследования политической культуры в разных странах показали, что существующие в каждом обществе ценности, традиции, способы поведения и институты являются невероятно живучими. Они либо воспроизводятся, невзирая на исторические цезуры и изменение государственного устройства, либо если изменяются, то в гораздо более медленном ритме, чем другие социальные процессы, такие, как, скажем, процессы модернизации, индустриализации или урбанизации³. Поэтому можно предполагать, что и после 1991 г. в обществе продолжают действовать базовые образцы и механизмы, характерные для «милитаризованного социализма» (Михаэль Манн/Michael Mann), на которые он опирался. В принципе распад Советского Союза вовсе не представляет для его политики, экономики и общества некий «час ноль». Милитаризованная внутренняя и внешняя политика, высокая значимость военных ценностей и легитимность для общественности военных форм организации могут существовать и без милитаризованного социализма. Но для диагноза его рецидивов, вполне возможных в России, необходим ретроспективный взгляд на особенности советского милитаризма.

Генезис и Специфические Черты Советского Милитаризма

- 4 В Советском Союзе сформировался милитаризм особого рода. Нельзя постичь советскую реальность с помощью традиционного понятия милитаризма, возникшего во Франции времен Второй Империи в ходе борьбы с Наполеоном III и по сей день сохраняющего в языковом обиходе эти значения. Это традиционное понятие описывает (нелегитимное) доминирование военных, военной сферы над гражданской жизнью, слишком сильное их влияние в государстве и обществе, в том числе - военных структур, предпочтение лежащих в их основе максим и ценностей ценностям гражданских, экономических и культурных областей⁴. Подобное разделение и противопоставление военной и гражданской сфер чуждо истории СССР. Милитаризация политики была как раз не следствием доминирования армии или специфических амбиций военных как группы, способной добиваться реализации своих интересов, напротив, она выросла из мира представлений самих гражданских политиков. Итогом стало уникальное слияние гражданской и военной сфер. Так возникло состояние общества, подпитывавшееся широко распространенным опытом насилия и отличавшееся высокой степенью внутренней воинственности. Подобный «гражданский милитаризм» пронизывает всю историю Советского Союза. Менялись лишь формы его проявления в зависимости от исторического контекста.
- 5 Генезис его лежит в ранней фазе формирования советского государства, значение которой трудно переоценить, учитывая специфический характер более позднего милитаризованного социализма. Брутализация социального поведения на этой фазе, вызванная мировой войной, в глубь страны распространялась через дезертиров и демобилизованных солдат. Вкупе с упадком и нищетой, вызванных крушением государственного и социального устройства, с одной стороны, и идеологически детерминированной предрасположенностью к насилию большевиков, с другой - все это переплавлялось в революционные формы насилия. Социальный прогресс, или реализация утопии общества, свободного от господства и насилия, в мировоззрении большевиков был невымыслим без классовой борьбы, которая в свою очередь не мыслилась без насилия. Эскалация классовой борьбы привела к классовой войне, которая переросла в жестокую гражданскую войну. На земле революционной России и в ее географии, и в ее умах исчезло различие гражданских и военных пространств, которое здесь - иначе, чем в Западной Европе, - еще широко существовало в Первую мировую войну. Соответственно гражданская война протекала без правил. Дневник Исаака Бабеля и «Конармия» оставили гнетущее свидетельство тотального и апокалиптического взаимного уничтожения. «Красный» и «белый» террор ничем друг другу не уступали в своей жестокости и произволе уничтожения. Милитаризация социальной, общественной и политической жизни на этой фазе институционально воплотилась в самом устройстве Красной Армии как иерархически управляемой массовой армии, которой большевики обязаны победой в гражданской войне. И этим дело не ограничилось - оно дошло до институционализации революционного насилия в виде тайной полиции ЧК, революционных трибуналов и вооруженных продотрядов. Насилие стало государственной практикой. Почти одновременно с этим была осуществлена централизация политической власти и милитаризация труда под началом военного комиссара Троцкого. Широко известно, что таким образом в ходе гражданской войны и при военном коммунизме стрелки необратимо были переведены на милитаризацию страны. Этот период неоднократно оценивался как прелюдия к позднему сталинскому террору.
- 6 Исторические последствия состояния перманентной войны для формирующегося склада мышления оказались не менее важными, чем этот институциональный перевод стрелок, причем их исследования едва лишь начаты. Эти последствия выразились в тех аффектах, тех коллективных образах мышления, которые складывались у людей в революционной России. Помимо фундаментального разделения друг/враг, определяющих для политики

категорий, война, насилие и воинственность стали формой жизни для целого поколения, которое социализировалось в этот период перераставших друг в друга войн.

- 7 Победа в гражданской войне завершилась не чем-то подобным демилитаризации, а символическим, организационным пролонгированием состояния войны, сопровождавшимся дальнейшей мобилизацией населения в экономической и общественной сферах. Это положение отражает возникшее тогда же русское выражение *военизация*. Именно Ленин провозгласил направление движения: «Советская республика должна стать сплошным военным лагерем, в котором силы напряжены до предела и используются с предельной бережливостью». Большевики успешно это осуществили. Они мистифицировали гражданскую войну для легитимации собственного господства и хранили воспоминания о боевом опыте. Они создали систему *всеобуча* (всеобщего военного обучения), которая охватывала все общество и была нацелена на воспитание «нового человека» в ходе военного обучения. Задачами воспитания были «доблесть, предельное презрение к смерти, дисциплинированность, выносливость, инициатива, упорство».⁵ Забота о поддержании подобных военных ценностей, различные военно-патриотические общества с их близкими к военным занятиями, которые вплоть до перестройки были устойчивой составной частью советской системы образования и социальной жизни, уходят корнями именно в те времена. Военная тема и тема Красной Армии вошли в культуру праздников, оказавшись в центре различных инсценировок. Важнее, чем эта милитаризация праздников, была воинственность самой повседневной жизни, перманентность революции и войны, выражением чего явились психоз осадного положения, исходивший от верхушки большевистского руководства, засилье врагов, уничтожение крестьянства, ликвидация старой революционной гвардии и закрепление режима чрезвычайного положения и террора под руководством Сталина.⁶ Тем самым в обществе исчезли последние уголки гражданского существования. И только с этого момента можно считать, что Октябрьская революция завершилась. Она охватывала период свыше двадцати лет, в течение которого военизированные формы организации, мобилизация ресурсов илюдей быти повседневностью, а чрезвычайное положение - нормой.
- 8 Нападение Германии на Советский Союз в 1941 г. добавило к опыту уже пережитого насилия еще более страшную угрозу уничтожения. То, что она быта успешно отражена, имело для дальнейшей милитаризации Советского Союза долговременные последствия. Между большей частью населения и гражданской элитой, вышедшей из поколения войны и вплоть до 80-х гг. образывавшей костяк номенклатуры, царило полное согласие: военная экономика, центральное планирование, военная мощь государства и патриотизм общества были факторами, обеспечившими выживание населения и существование самого государства. Поэтому и существовало согласие относительно необходимости их сохранения и развития. Глобальная конфронтация и всемирная гонка обычного и ядерного вооружений, проходившая под знаком конфликта Востока и Запада, вели к росту мобилизации ресурсов и к максимальной ориентации на военные цели науки, экономики, общества и культуры. В результате в 80-е гг. военные расходы составляли около 20 - 25% валового социального продукта, ВПК стал приоритетным в народном хозяйстве. Однако сведения о нем, как и о других военных областях, были закрыты от общественности из-за отчасти параноидального, отчасти репрессивного стремления делать из всего тайну. Огромный военный потенциал определил статус СССР как супердержавы. Подобное общество милитаризованного социализма быто пронизано сетью паравоенных и военных институтов и воспитательных учреждений для военной подготовки, дисциплинирования и социального контроля над учениками и студентами. Помимо таких военно-патриотических организаций, как ДОСААФ или «Гражданская оборона», многие общественные сферы были организованы по военным образцам, по принципу приказа и повиновения. Представители официальной культуры и руководства отводили большое внимание заботе о солдатских добродетелях, коллективных ценностях, а также военных ритуалах.

9 Милитаризм был интегральной составной частью советского этатизма. Воплощением идеи государства была *Держава*. Обращенная вовне держава - это мощное государство, обладающее высоким уровнем вооружения, используемым на международном уровне в качестве средства влияния и силовой угрозы. Во внутренней политике *держава* функционировала как патерналистская инстанция наказания и поощрения. Масштабы ее легитимности зависели от того, насколько она была способна удовлетворять растущие жизненно важные потребности населения. Она контролировала ключевые сферы общества через распределение рабочих мест, жилья или культурных благ. И на этой фазе общество как бы «инсценировалось» государством. Только с перестройкой оно смогло снять с себя тесный государственно-патерналистский корсет, начав завоевывать для себя автономные пространства. Вместе с этими изменениями в отношениях государства и общества появились и первые признаки демилитаризации. Три фактора обусловили ее начало. Во-первых, двойной кризис, вызванный экономической стагнацией и снижением уровня производительности экономики, с которыми уже нельзя было совладать традиционными средствами мобилизации, мобилизационных кампаний; кроме того, сюда можно отнести и перенапряжение внешнеполитических и военных сил. Символом этого стала Афганская война. Она показала бессилие военной власти и привела к полной изоляции на международном уровне. Сверх того, она оказала обратное воздействие и на Советский Союз, деморализовав военных и их семьи, приведя к отчуждению армии и партии и усилив процесс эрозии политической системы. Этот двойной экономический и внешнеполитический кризис стимулировал анализ оправданности затрат и способствовал деидеологизации внешней политики, нацеленной на высвобождение ресурсов, связанных с военным комплексом, и получение возможностей приобрести необходимое для модернизации международное know-how. Во-вторых, власть с приходом Горбачева и его команды впервые перешла к поколению, период социализации которого выходил уже за рамки гражданской войны, воинственного периода между войнами или второй мировой войны. Благодаря этому оно обладало некими задатками для того, чтобы, невзирая на все идеологические расхождения, мыслить о проблемах «взаимозависимости» или «всеобщей безопасности» собственно политически. И в третьих, значительная часть общества была готова к восприятию реформ и общей демилитаризации. Изменение социальной структуры в 70-е гг., отмеченное урбанизацией, индивидуализацией и достижением более высокого уровня образования населения, по сути уже положило начало переоценке ценностей. Индивидуалистические ориентации (например, ориентация на свободное время или ожидания высокой оплаты труда, высокие потребительские стандарты), все в большей степени вытесняли коллективные и патерналистские ориентации, на которых основывался не только советский патриотизм, но и всеобщий военно-патриотический ценностный канон поколения «отцов и дедов». Но именно эти индивидуалистические запросы государство, охваченное экономической стагнацией, могло удовлетворять все в меньшей степени. Следствием этого был нараставший кризис легитимности политической системы, а тем самым и милитаризованного социализма.⁷

10 По мере того как изменялся советский этатизм, неизбежно менялась и значимость военной сферы. Условием этого было наличие согласия (как внутри элиты, так и в обществе) относительно характера угрозы и изменившихся гражданских и экономических приоритетов. Так на закате милитаризованного социализма воспроизвелся структурный момент его генезиса, но только с обратным знаком. Ведь и тогда - в качестве предпосылки для столь долговременной институционализации советского милитаризма и закрепления его в ценностном кодексе людей - потребовалось совпадение опыта насилия и уничтожения элиты и населения в опыте насилия и уничтожения и социализация в условиях войны. Вместе с подписанием Беловежского Соглашения о создании СНГ 8 декабря 1991 года *de facto* был похоронен не только СССР как государство и супердержава, умер и милитаризованный социализм как интегральная часть советской государственности.

Конец Определенности

- 11 Нет сомнений - с 31 декабря 1991 года, когда СССР перестал существовать как международно-правовой субъект, милитаризованный социализм умер. Это явно видно по параметрам, которыми, например, его измерял Михаэль Манн. Наступил конец всеобщему насаждению в российском обществе военного патриотизма благодаря системе военного дела и гражданской обороны. Приоритетное положение военной экономики больше не могло сохраняться под тяжестью экономического кризиса и при рвущихся, прежде тесных промышленных связях и зависимостях. Была устранена милитаризация международных отношений, вызванная гонкой ядерных вооружений США и СССР, которая привела мир на грань ядерного уничтожения, - Михаэль Манн ввел для этого понятие *deterrence science militarism*.⁸ Сегодня отношения России с США, или с Западом в целом, определяются деловой кооперацией вопреки конфронтационной риторике.
- 12 Однако наряду с этой демилитаризацией можно наблюдать и процесс, развивающийся в противоположном направлении. Он связан с растущей воинственностью и самого общества, и используемых средств решения конфликтов. Под этим мы понимаем возврат к организованному физическому насилию и его применению для достижения собственных целей государственными институтами или группами, не представляющими государство. Пиком этого процесса стала Чеченская война, в которой между декабрем 1994 г. и августом 1996 г. по самым низким оценкам, данные которых с трудом поддаются проверке, погибло от 30 000 до 50 000 человек. Но и помимо войны можно наблюдать такие всплески насилия в российском обществе, которые не позволяют говорить о всеобъемлющей демилитаризации социальных отношений, тем более - их цивилизности. Волны насилия расходятся от Москвы (вооруженные столкновения 1 мая 1993 г. или в начале октября 1993 г. при роспуске Верховного Совета) до периферии, например, российско-кавказской границы или Северного Кавказа. Там казаки оказываются втянуты в частые конфликты с беженцами или нерусским населением. Наконец, существуют бесчисленные частные армии, находящиеся в подчинении у военачальников, офицерских объединений, политических группировок или организованной преступности. Число нелегальных бойцов в России, часть из которых отлично вооружена, может насчитывать до сот тысяч человек.
- 13 Дальнейшему вооружению, а тем самым росту воинственности вообще, способствует российский законодатель. Так 1 июля 1997 г. в силу вступил новый закон, позволяющий отныне иметь оружие – для самозащиты.
- 14 Давно уже, даже за пределами полулегальных или нелегальных сфер жизни российского общества, можно наблюдать характерные приметы, указывающие на воинственность особого рода, присутствующую в самых разных областях общества. Достаточно будет трех примеров. Затронутой ею оказывается само олицетворение «новой России» и ее капиталистической модерности: банковская система, которая в Западной Европе, наряду с торговлей, исторически прокладывала пути к гражданскому обществу. Сегодняшним посетителям банковских дворцов бросаются в глаза прежде всего работники «службы безопасности». Нередко вооруженные, в воинственном облачении - боевых костюмах, которые не случайно похожи на одежду армейских десантников или пользующихся дурной славой спецназовцев ОМОНа МВД, они внушают такое чувство «безопасности», которое имеет больше общего с угрозой, чем с защитой. Наконец, исторический костюмный реквизит воскресших из небытия казаков не должен скрывать от глаз случайного наблюдателя то, что их самоопределение связано с владением оружия, с культом оружия и с дореволюционной традицией казаков-воинов, защитников границ. Реставрация последней происходит, между прочим, при открытой официальной поддержке, как это явствует из постепенного, начиная с 1993 г., привлечения казаков к пограничной службе и подключения их к военной политике.⁹ На всех этих трех уровнях подчеркивается значение оружия. «Оружие – не только средство достижения цели. Его ценность измеряется не только эффективностью его разрушительной силы. Оружие несет в себе разные значения, в том числе - и культурную ценность. Оно олицетворяет и символизирует насилие. Оружие демонстрирует власть силы. Оно вселяет храбрость в

его владельца и устрашает противника».¹⁰ Оружие имеет свою воинственную семиотику, которая, пронизывая и сами гражданские сферы российского общества, уходит корнями в досовременный период, когда конфликты решались напрямую, минуя посредников, не говоря уже об их институциональном правовом оформлении.

15 Подобная «одновременность разновременного» образует исходный пункт для любого анализа той роли, которая отводится военной сфере в сегодняшней России: Россия живет в разных эпохах - между вышедшими из прошлого казацкими атаманами и постиндустриальным Интернетом. Результат этого - состояние, отмеченное самыми разными отклонениями и противоречиями. В одно и то же время в одном и том же месте, в высказываниях и действиях одного и того же политика (или в одних и тех же элитах) можно наблюдать полное разрушение военных ориентаций, характерных для советского этатизма, и действия, направленные на ремилитаризацию государства и общества. Можно привести несколько парадоксов, возникающих на стыке гражданского и военного. После того как армия приняла сторону Ельцина в борьбе за власть в октябре 1993 г., можно было ожидать, что будет возрастать ее влияние как группы с определенными интересами. Но, как показывает ход межведомственной борьбы за доступ к ограниченным ресурсам или же за сохранение численности различных родов войск, случилось обратное. С одной стороны, армия буквально распадается якобы из-за отсутствия денег, но одновременно находятся средства для вооружения других армий. Такая ситуация едва ли понятна международной общественности, ищущей ясности и определенности. Но и на аналитическом уровне трудно понять эти процессы. Это отражает затяжной кризис идентичности и потерю ориентаций России. Как под лупой, военная сфера концентрирует важнейшие особенности советской политической системы и процессов принятия решений. Но в ней отражаются также и слабость государства, изменившиеся социально-экономические возможности, международное окружение России и макроисторические процессы, такие как изменение роли военной власти. Многие наблюдатели все еще не осознали размеры и взаимосвязь этих отклонений. Иначе не объяснишь, почему вновь и вновь делаются поспешные выводы о социальном состоянии России, предполагающие такую степень единства и управляемости страной, которой в ней вот уже годы как не существует. Лучшим примером такой неадекватности суждений могут быть предостережения об угрозе военного путча. Но армия, наоборот, подходит для анализа как показательный случай разворачивания совершенно противоположных процессов. В ней, наряду с полицией, материализуется претензия государства на монополию легитимного насилия; армия была опорой милитаризованного социализма; но сегодня она, хотя и продолжает традиции Красной Армии, но все же не является непосредственным ее продолжением.

16 С системной точки зрения вопрос заключается в том, кто контролирует армию. Вооруженным силам приписывается какая-то особая способность «продвигать» свои интересы, так как в распоряжении армий находится потенциально наиболее боеспособная часть средств насилия в государстве. Кроме того, армия считается организацией, которая пронизана цепочками, отлаженными для принятия решений и действий и которую отличает высокая степень сплоченности и лояльности по отношению к власти. Способность демократически узаконенного режима правления действительно осуществлять свои функции без открытого доминирования военных или полицейских служб принято считать критерием демократичности власти.¹¹ По сути, проблема сводится к вопросу: угрожает ли России военный путч, который мог бы помешать или вообще прекратить процесс демократизации? Если сравнивать с учебником, в котором идет речь о конституционных условиях установления военных режимов в Латинской Америке, то в России, как кажется, есть определенные предпосылки, делающие вероятным вмешательство армии в политику, а именно: институты, образующие политическую систему, слабы и их легитимность невелика. В сравнении с ними мощь армии как организации могла бы возрасти. Нет сильных партий (кроме коммунистической), которые обычно образуют центр политической жизни. О гражданском контроле над военными едва ли можно всерьез говорить. Государство слабо в финансовом

отношении. Это приводит к недофинансированию армии, которое воспринимается как хроническое. И, наконец, расширение понятия «безопасности» на внутреннюю жизнь страны под девизом «Отечество в опасности» также способствует вмешательству военных в гражданские дела. Единственное отличие: если главными аргументами для идеологического оправдания установления военного режима в Латинской Америке в 60-е и 70-е гг. были разгул освободительных движений и экономические махинации партий, то в России такую функцию мог бы выполнить разгул коррупции и преступности; именно они, по словам министра внутренних дел, составляют «угрозу для национальной безопасности страны».¹² Для некоторых западных наблюдателей вопрос представляется решенным: «Россию, по-видимому, ожидает военный пугч. Самым вероятным результатом подобного шага будет тотальная военная диктатура по греческому образцу или же авторитарный, националистический режим, в котором военные будут играть значительную, если не доминирующую роль».¹³ Но такие суждения не редкость после распада СССР и в самой России. Предостережения такого рода стали оружием внутривнутриполитической борьбы за власть.

- 17 Но и в этом случае можно говорить об отсутствии какой-либо определенности. Вероятность военного путча мала. Эта оценка не основывается на научных выводах основополагающих трудов по военной социологии, наметившей традиционные рамки исследования взаимосвязи гражданской и военной сфер. В данном случае сами эти рамки производят странное впечатление некоего анахронизма, так как российская реальность вновь не позволяет различить, и тем более дихотомически противопоставить гражданскую и военную сферы. Объяснение на этот раз заключается не в слиянии обеих сфер по советскому образцу; а в разрушении внутренней спаянности и однородности вооруженных сил, вызванном драматическим социальным положением в стране и в армии, с одной стороны, и дроблением, умножением числа государственных военных и паравоенных формирований - с другой. учитывая социологические особенности организационных форм, политическое окружение и позицию самого общества в отношении армии, можно сказать, что вероятность прямого военного вмешательства в политику падает до нуля.

Армия По Ту Сторону Риторике Путча

- 18 «Я министр обороны распадающейся армии и погибающего флота». Эти слова не были вызваны погоней за эффектностью. Острота ситуации много раз побуждала бывшего министра обороны высказывать прежупреждения, что определяющими для состояния армии являются голод, отсутствие крова и полное отчаяние из-за отсутствия каких-либо надежд на улучшение социального положения. Вероятна угроза такого государственного кризиса, который мог принять уже международные масштабы. Как в боевой технике, в состоянии вооружения, так и в самих войсках «могут начаться чрезвычайно неприятные процессы, грозящие выходом из-под контроля». Если недофинансирование армии затянется, то Россия вскоре перейдет ту черту, за которой станет невозможным уже и контроль над ядерными ракетами.
- 19 Агрессивность в общественной деятельности стоила Родионову поста, однако положение в армии продолжало оставаться безнадежным. Виною тому было множество причин. Политика разрядки в эпоху перестройки и окончания конфронтации Востока и Запада лишили Россию такого фактора, как внешне политическая угроза, а у ее армии - то выдающееся значение, которое она имела до сих пор. На первый план выдвинулись другие политические сферы. Распад СССР стоил России значительной части военных вооружений и инфраструктур, находившихся на земле других государств-преемников. Военное руководство оказалось неспособным провести необходимые сокращения численности войск и реструктуризацию армии. Сюда добавляются экономические злоупотребления и коррупция, которые постоянно сотрясают генералитет. В результате военная реформа, обсуждающаяся с 1988 г., топчется на месте; до сих пор нет согласия относительно того, что является «национальным интересом» России.

- 20 При этом военные расходы, по совпадающим российским и западным данным, составляют 9 - 12% валового внутреннего продукта, то есть их доля все еще выше, чем в западных промышленных странах, если рассматривать ее не в абсолютном, а в относительном выражении. Однако этих средств не хватает ни на выплату жалования военнослужащим, ни на социальное обеспечение семей офицеров, т. е. на содержание армии, не говоря уже о модернизации вооруженных сил. Во всех родах войск не хватает топлива и запасных частей. Оружие, приборы и машины устарели, ненадежны и требуют ремонта и ухода. Это в особенности относится к военно-морскому флоту и к воздушным войскам. Только стратегические ядерные войска могут считаться с военной точки зрения еще полностью дееспособными.
- 21 Явления распада становятся потенциально опасными. Постоянно звучат жалобы о продаже личным составом оружия и боеприпасов, а также об утечке солдат из спецподразделений в паравоенные соединения или в криминальную среду. Не меньшее беспокойство вселяет другой распространенный феномен. Из-за материальной необеспеченности армии растет готовность получать финансирование из местных кормушек. Отдельные предприятия или администрации некоторых областей России финансируют армию из политических соображений. Подобные случаи известны в Ставропольской, Краснодарской областях, где, соответственно, правят национально-патриотически настроенные губернаторы, на Дальнем Востоке и в Приморье, где все еще существует стремление к автономии.
- 22 Но это еще не все. Разрушилась система всеобщей воинской повинности. Весной 1997 г. менее одной пятой призывников заступили на «службу Отечеству». Что может быть более ярким свидетельством того, насколько разрушен престиж армии и легитимность воинской службы среди юношей, живущих в России? В армию идут лишь неимущие, неква.лифицированные, - аутсайдеры: около одной пятой призванных в армию наркоманы. В последние годы ошутимо возросла в армии ипреступность. Сюда относятся преступления против собственности, такие тяжкие преступления, как телесные повреждения и продажа оружия. Сами военные, как, например, генерал-лейтенант запаса ВладимирСеребрянников, больше уже не стесняются в выражениях: по его словам, внутри армии наблюдается «криминализация сознания»¹⁴. По его мнению, из военнообязанных невозможно за предстоящие 15 - 20 летсоздать дееспособную армию на таком социальном фоне.
- 23 Все это настоятельно требует военной реформы, создания профессиональной армии и отказа от всеобщей воинской повинности. Президент Ельцин своимдекретом от 16 мая 1996 г. постановил перейти с 2001 г. к профессиональной армии. Однако даже в оптимальном варианте это не устранит коренной проблемыРоссии, как об этом свидетельствуют попытки нарегиональном уровне подчинить себе армейскиеформирования. Локализация и приватизация монополии на насилие, равно как и разрушение системывоинской обязанности, отражают очевидную слабостьгосударства. Опору государства, согласно модели Барри Бьюзана (Barry Buzan), составляют три компонента: государственная идея, государственные институты и физическая основа, под которой подразумевается территория внутри определенных границ. Сильным государство является не тогда, когда располагает вькоким военным и экономическим потенциалом. Мощь государства скорее является результирующей той меры легитимности, которой оно обладает внутри страны, и лояльности, которую население демонстрирует в отношении государственной власти. Легитимность, в свою очередь, зависит от этих трех компонентов.. В России уровень этой легитимности низкий. В обществе отсутствует согласие в отношении государственной идеи. Государственные институты, которые должныпредоставить населению такие важнейшие возможности и права, как право на участие в принятии решений, судопроизводство, образование, социальное обеспечение или развитая инфраструктура - если и фуюционируют, то очень плохо. Спорной является физическая основа государства - границы его территории, атем самым и государственная принадлежность людей; последний в этом роде случай - Чечня. В результатегосударственная монополия на насилие оказывается подорванной, а государственный суверенитет фрагментирован¹⁵.

- 24 Подрыв государственной монополии на насилие на официальном уровне находит отражение в плюрализации самих аппаратов насилия и репрессивных инстанций, которые подчиняются не Министерству обороны, а другим так называемым *силовым структурам*. Наряду с пограничными существуют войска Федеральной службы безопасности, выросшей из КГБ, и Министерства внутренних дел. Последние послераспада СССР увеличили свой персональный состав на 50 процентов, они очень хорошо обеспечены в финансовом и в техническом отношении. Поэтому все менее ясно, идет ли в данном случае еще речь ополцейских вооруженных силах или уже можно говорить о параллельной армии.
- 25 На аппарат насилия распространился структурный принцип политической системы и самого процесса принятия решений: это удвоение и напластование институтов, структурных связей и компетенций ведомств. В непосредственном окружении Президента, начиная с октября 1993 г., сложилась сеть служб безопасности, часть которых очень хорошо вооружена. Сюда относятся, скажем, Служба безопасности Президента, Главное управление безопасности Российской Федерации или Федеральное агентство правительственной связи и информации. В целом свыше дюжины государственных институтов и ведомств имеют в своем распоряжении военные и паравоенные формирования, причем границы между ними оказываются весьма нечеткими. Обращает на себя внимание, что действие основной части этого аппарата насилия и репрессий направлено внутрь страны. (Таблица 1)

Таблица 1. Военные и Паравоенные Подразделения в России. Положение на 1996г. (в тысячах человек)

	А	В	С
Вооруженные силы Министерства обороны	1 247	1 270	1 470
Сухопутные войска	400-460	460	
Военно-воздушные силы	320	320	
Военно-морской флот	190	190	
Атомное вооружение	149	149	
Прочее	188	Нет данных	
Войска МВД	266	232	264
Пограничные войска	205	100	210
Спецслужбы	158	Нет данных	77
Налоговая полиция	38	Нет данных	38
Главное управление по безопасности Российской Федерации	Нет данных	20	Нет данных
ВОХР, железнодорожные войска и формирования МЧС	Около 1 000	Нет данных	Нет данных

Источники: А - НАТО- Брюссель; В - The Military Balance; С - Министерство обороны РФ.

- 26 Все войска подчиняются непосредственно Президенту. И в том, как они содержатся, вновь отражаются структурные принципы организации постсоветской России. Содержание армии зиждется на распределении, в основе которого - «феодално» структурированные отношения и лояльность соответствующего министра или военачальника Президенту. В жертву таким образом оказываются принесены прозрачность властных отношений и демократически легитимированный контроль со стороны Думы или ее комиссий. Подобная непрозрачность, бесспорно, рецидив времен военизированного социализма. Так например, нет сомнений, что решение о начале Чеченской войны в 1994 г. принималось тем же способом, что и решение о войне в Афганистане в 1979 г.: в узком кругу, закулисно, с пренебрежением нормами конституционного порядка распределения компетенций и процедур, а также при совершенно неверной оценке возможных военных и политических последствий. С трудом дается и сама координация военной политики и аппаратов насилия. Не в состоянии реализовать подобные задачи и основанный в 1992 г. Совет безопасности, которому

в последнее время, из-за постепенного разрастания его властных полномочий, стали приписывать роль Политбюро; не в состоянии потому, что отдельные государственные институты имеют прямой выход на Президента и без посредничества Совета и могут таким образом продвигать свои интересы.

27 До сих пор не удалось создать стабильные гражданские, легальные и институциональные рамки для контроля над аппаратами насилия, аналогичные утвердившимся в западных демократиях, и закрепить их в политической системе, так чтобы была обеспечена прогнозируемость процессов принятия решений или, по крайней мере, легитимность подобной процедуры. Вместо объективных механизмов контроля такого рода доминируют факторы субъективной или личной зависимости от носителя власти, в этой ситуации принцип неформальной личной лояльности затушеван постоянной ротацией кадров. Некоторые западные наблюдатели видят в этом большую опасность: « Ельцин развил систему скорее личного, чем институционального контроля... и тем самым как президент вручает своим преемникам готовый инструмент авторитарного господства. »¹⁶.

28 В принципе от этой точки зрения нельзя просто отмахнуться. Однако в ней недооценивается тот факт, что за плюрализацией этих аппаратов кроется специфическая логика. Она не имеет ничего общего с демократией, однако делает беспочвенными все спекуляции об угрозе путча. Дифференциация в военной сфере способствует контролю военных структур благодаря их взаимному уравновешиванию.. Таким образом искусственно сдерживается горизонтальная интеграция различных аппаратов насилия; единство командной вертикали в армии, необходимое для функционирования командных цепочек и для обеспечения дееспособности всей системы, с началом перестройки перестало существовать одновременно с политизацией армии, а также из-за противоречий социальных и экономических интересов генералитета, офицерского корпуса и рядового состава солдат. Гетерогенность этих интересов умножается благодаря возникновению и существованию других вооруженных формирований. Линии фрагментаризации проходят, не затрагивая структуры этнической или религиозной принадлежности, которые могли бы повысить дееспособность отдельных частей этих аппаратов насилия или определенных армейских формирований. Драматичное социальное положение поколебало самоидентификацию военных, структура которой восстановится еще очень нескоро, и вызвало - как и во всем обществе - резкую поляризацию их политического мировоззрения. В нынешней радикально изменившейся внутренней и внешнеполитической обстановке армия не представляет собой ту *силу*, которая в состоянии обеспечить свою модернизацию, что так ярко показывает ее неспособность справиться с собственным бедственным финансовым положением. В ситуации, когда в стране отсутствует однородность или единство властной вертикали, как и горизонтальная интеграция, складываются ключевые предпосылки для успешной военной интервенции в политику. Разговоры о путче - абсурдны. Прошли времена, когда было достаточно захватить Центральный телеграф и вокзалы в столице, чтобы надолго изменить политику и будущее страны. Сегодня перспективы России, а тем самым - и будущую легитимность военной сферы, определяют два совершенно других фактора: позиция общества и экономическая реальность.

Миф о Великой Державе

29 Гражданское общество в России слабо. Правозащитные организации, такие, как « Мемориал », « Комитет солдатских матерей » или маргинализованные оппозиционные политики, были не в состоянии влиять на Чеченскую войну, а тем более ее предотвратить. Но сама война повлияла на общество, причем - как это часто бывало в этой сложной постсоветской трансформации - самым противоречивым образом. С одной стороны, Она стимулировала индивидуальную воинственность и милитаризацию отдельных частей общества, с другой - она стала катализатором ускоренной демилитаризации, дискредитации армии и военных форм насилия. С невиданной прежде ясностью война показала убогость России как военной державы. однако, невзирая на это, идея *державы*

продолжает упорно существовать. Как могут сочетаться две эти противоположные тенденции и чем это объясняется?

30 Война на Северном Кавказе породила свыше ста тысяч ветеранов с обеих сторон, которые едва ли могут рассчитывать на помощь общества. Уже СССР и его государства-преемники оказались по экономическим причинам не в состоянии реинтегрировать всех бойцов, вернувшихся с Афганской войны. Но в отличие от тех *афганцев*, солдаты Чеченской войны после их возвращения домой не получили еще даже минимума государственного обеспечения статуса ветеранов, с которым связаны некоторые привилегии. Так как официально Чеченской войны не было, а была только полицейская акция внутри России, не могло быть и ветеранов войны. Однако подобными софизмами не устранишь солдатских травм. Они были такими же, как и на других войнах. Ветераны деформированы дегуманизирующей силой войны, страдают от посттравматических расстройств. Это тем более тяжело, что большая часть воевавших в Чечне были солдаты в возрасте 18 - 19 лет. В этом возрасте формирование идентичности человека еще не завершено. Для солдат оно происходило в условиях войны. Многие из них внутренне усвоили жестокость войны, мышление в категориях «поля сражений» стало руководить их действиями и в гражданской жизни. Но и сама гражданская жизнь оказывается для них чужой после возвращения. Некоторые из них, чтобы добиться признания, будут вновь и вновь искать экстремальные ситуации подобные тем, что были на войне. Феномен такого рода известен по многим ветеранам Афганистана, реинтеграция которых неудалась. Из их кругов рекрутировано немало наемников в Приднестровье, Абхазии или Боснии.

31 Чеченская война была первой «телевизионной войной», которую пережил а Россия. Там, где раньше с экрана патетически прославлялся «интернациональный долг», советских солдат в Афганистане или транслировались романтические военные и героические эпопеи, теперь можно было увидеть ужасы войны, и прежде всего - бедственное положение собственных солдат. Попытки цензурировать информацию еще больше подорвали веру в правду и легитимность этой войны. Стали предельно очевидны масштабы деморализации задействованных войск, унижения скверно экипированных и снабжаемых воюющих *мальчиков*, особенно после сообщений о том, что солдаты продают свои оружие и боеприпасы противнику, чтобы добыть продукты и сигареты. Едва ли что-то иное может сильнее демаскировать лживость таких военно-патриотических ценностей, как «долг перед Отечеством». Неудивительно, что симпатии общественного мнения были отданы не военному руководству, а отважным матерям, которые на собственный страх и риск пытались вытащить своих сыновей из войны. Постепенное осознание российской Элитой самого факта крайней непопулярности войны среди населения выразилось в конечном счете и в понимании Ельциным того обстоятельства, что продолжение войны сводит на нет шансы из его переизбрание. В этом инстинкт власти его не обманул.

32 Разрушение тех коллективных ценностей, которые образовывали ключевые категории военно-патриотического сознания при милитаризованном социализме, можно наблюдать главным образом у поколений, родившихся уже после второй мировой войны. Однако к настоящему времени и в самом обществе в целом потеряли свою силу такие ценности, как солидарность, общинный или коллективный дух, дисциплина или жертвенность. На это состояние повлияли два обстоятельства. Уже упомянутое изменение ценностей в 70-е и 80-е годы ускорила приватизация. Для «победителей» этого этапа трансформации на первом плане стоят материальные ценности, такие, как индивидуализм, гедонизм и потребление, несовместимые с военными ценностями и военными формами организации. Широкие слои общества разочарованы политическими изменениями и экономическими реформами. Типичными установками здесь оказываются фатализм, цинизм и ощущение бессмысленности вмешательства в государственные дела. И снова мы сталкиваемся с индивидуалистической реакцией на происходящее. Она выражается в одностороннем отказе от лояльного отношения к обязанностям перед государством. Яркий пример тому уже упомянутое массовое уклонение от воинской службы. Причем это не просто некий акт молодых людей, ведь он находит поддержку и у родителей. Без этих родителей, которые, чтобы освободить своих сыновей от армии, тратят, например, в Москве до 8

000 долларов, этот массовый феномен был бы немислим. Такой абсентизм (уклонение от выполнения гражданских обязанностей) производит впечатление асинхронной реакции на перманентную мобилизацию, насаждение социальной дисциплины и непрерывное чрезвычайное положение при милитаризованном социализме.

33 Высшим приоритетом в обществе пользуются одновременно две ориентации: стремление к экономическому подъему и к стабильному государству. Поиски стабильности, однако, не связаны с возрастанием ценности военной сферы как символического выражения порядка. Показательным в этом плане является электоральное поведение населения. На выборы в Государственную думу в 1995 г. всего было выдвинуто 162 кандидата в военной форме. Избрано из них было только 10, что составляет 2,2 процента от всех прошедших в Думу депутатов. Остальные военные на выборах провалились, заняв, как правило, последнее место¹⁷. Похоже, что тяга к стабильности скорее находит выражение в том, с какой упорностью продолжает цениться идея великой державы. Западные наблюдатели с охотой распространяют русский миф о том, что Россия обречена быть великой державой и что идея *державы* навеки вошла в структуру идентичности русских. В широких кругах населения утрата роли великой или мировой державы так и не признана. Подтверждения этому найти нетрудно. В репрезентативном опросе, проведенном в России в марте - апреле 1996 г., респондентам предлагались на выбор два высказывания: а) «Россия всегда была великой державой. Она останется ею и в будущем. Россия должна играть в мире ту же роль, что и США»; б) «СССР был сверхдержавой. Теперь это не так. Россия станет в будущем таким же государством, как Китай, Франция и Англия». 58% опрошенных выбрали первое высказывание, как более близкое к их собственной точке зрения, 18% - второе, 10% - «проголосовали» против обоих суждений, а 14% затруднились с ответом. В другом опросе начала 1997 г. о важнейших задачах года «идея возрождения России как великой державы, которая способна увлечь людей и объединить их во имя общего дела, для вывода России из глубокого кризиса» получила благодаря 41 % опрошенных наивысшее признание¹⁸. Подобные результаты не удивляют. Доля выбирающих такую позицию людей примерно соответствует доле голосов, отданных за коммунистов, избирателями которых являются преимущественно люди пожилые, глубоко усвоившие прежние коллективистские ценности, включая ориентацию на державу¹⁹. Тоска по возрождению великой державы является, однако, и проективной для всех тех, кто сам тоскует о безопасности и порядке, об опеке со стороны патерналистского государства, разрушенной в ходе трансформации.

34 Примечательно, что значение понятия *державы* начинает меняться. Даже среди приверженцев идеи великой державы все сильнее становится сознание того, что только возрождение экономики страны, а не военная мощь или территориальная экспансия позволит возродить державу. Великодержавное мышление все реже ориентируется на державу советского образца. Перестала быть точкой преткновения и идея великой державы российского империализма XIX века. Поэтому оценка популярности идеи великой державы в России как возврата к милитаризованному или даже имперскому поведению является большой ошибкой. Ведь экономические возможности России, или, если быть более точными, - ее экономическая слабость, вводят в жесткие рамки все возможные амбиции ревизионистов, геополитиков или теоретиков великой державы любой политической окраски, которых, без сомнения, существует немало.

35 Политическая и научная элита, которой также не чуждо мировоззрение державников, в своем политическом мышлении все еще подспудно ориентируется на США, что является следствием десятилетия сохранявшейся в мире биполярности. Однако именно сравнение с США делает сегодня очевидным, насколько далеко отстала от США Россия, если говорить о ее политической и экономической дееспособности. (43) Валовой национальный продукт (ВНП) России составляет сегодня менее чем одну десятую от американского. Это расхождение потенциалов еще не достигло своего предельного

выражения. В 1996 г. валовой социальный продукт России снизился еще на 7 процентов, в то время как США добились его роста на 2,3 процента.

Таблица 2. Сравнение Динамики Социально-Экономических и Военных Факторов в США И России¹⁹

	внп в млрд.\$		Расходы на 060-рону в млрд. \$		Население в млн.		Вооруженные силы в млн.		внп в \$ на душу населения	
	СССР, РФ	США	СССР, РФ	США	СССР, РФ	США	СССР, РФ	США	СССР, РФ	США
1985	2118	4054	277	258	278,9	238,5	3,9	2,2	9937	22240
1991	2531	5741	266	280	293,0	252,6	3,0	2,1	9072	23860
1995	626	6920	40	275	147,9	258,2	1,7	1,5	4221	26200

36 Поводом для опасений *являются* и падение темпов роста населения, и снижение уровня жизненных ожиданий. По показателям развития всех центральных областей, отвечающих за социально-экономическую продуктивность страны - образование, наука, инновационный потенциал или уровень развития инфраструктуры Россия переместилась в списке 48 ведущих стран мира на последнее место. Вот почему директор Института Америки и Канады Сергей Рогов, отказавшись от всяких иллюзий, предостерегает от ошибочного пути ложного понимания идеологии великой державы. «С этой точки зрения психология сверхдержавы, настаивание по инерции на биполярности, существовавшей лишь до последнего времени, представляет собой большую угрозу, унаследованную нами из эпохи "холодной войны"... Представление, что Россия обречена быть великой державой, являет собой опасный миф»²⁰. Поэтому такие «сверхамбициозные задачи», как, например, попытка сохранения приблизительного военного паритета с США, и не могут быть финансированы. Намерение создать профессиональную армию предстает на подобном экономическом фоне как такое напряжение сил, исход которого остается неясным. Надежда на дивиденды от борьбы за мир однажды уже была обманута. Разоружение, прежде всего - ядерного, биологического и химического орудий массового поражения, оказалось более дорогостоящим, чем сохранение их в качестве устрашающей силы. Сегодня средства и затраты!, необходимые для планируемого сокращения армии до 500000 (выплата подъемных, затраты на содержание увольняемых офицеров и генералов, а также на модернизацию вооруженных сил) означали бы для бюджета еще большую нагрузку, чем она и без того уже существует сегодня. В военном секторе уже наметился некий мнимый выход из этой дилеммы, который вместе с тем предполагает сохранение роли сверхдержавы. Так как ядерный потенциал, похоже, остается единственным залогом сохранения за Россией роли сверхдержавы, политическое и символическое значение российских ядерных вооружений будет расти, хотя на сегодня они и утратили свое политическое и военное значение на мировом уровне. Это уже ясно сформулировал председатель Совета обороны Андрей Кокошин. Так как для развития обычных вооружений финансовые средства отсутствуют, необходимо сохранять ядерный потенциал. «Вместе с тем ядерный потенциал, в особенности стратегическое ядерное оружие, играют не последнюю роль для определения статуса нашего государства. По этим меркам Россия остается сверхдержавой»²¹.

37 Это высказывание напоминает феномен фантомной боли после ампутации конечностей: подобное мышление в категориях ядерной сверхдержавы остается в плену у логики *deterrence science militarism*. Но оно содержит и весьма серьезную по своим последствиям ошибку. Ядерный потенциал Советского Союза Как сверхдержавы не смог предотвратить крушение ни его мирового господства, ни самого Советского Союза. Да и подлинную угрозу для будущего Российской Федерации нельзя устранить с помощью ядерного оружия - пусть даже символически. Угроза эта происходит от внутренней слабости самого российского государства. Все будет зависеть от того, продолжит ли российская политическая элита и само общество начатую трансформацию великодержавного сознания и избежит ли принципиальной ошибки: сильное государство - это не то же самое, что государство насилия.

Notes

- 1 This article was originally published in *Neprikosnovenii Zapas* #1 (3), 1999. We reprint it in this issue with the author and the editor's authorization.
- 2 Цит. по: Anatoli Lieven, "Russia's Military Nadir: The Meaning of the Chechen Debacle", in *The National Interest*. 1996. № 44. P. 24 - 33, 29.
- 3 Самое, возможно, захватывающее в последние годы доказательство того, насколько сильное влияние оказывают традиции на способность функционирования новообразованных политических институтов, предлагает на примере Италии: Robert D. Putnam. *Making Democracy Work. Civic Traditions in Modern Italy*. Prinseton, 1993. К политической культуре России ср.: Frederic J. Feron. *Post-Soviet Political Culture in Russia*.// *Europe-Asia-Studies*. 1996. №48, 2. P 225 - 260; Gerhard Simon. *Zukunft aus der Vergangenheit. Elemente der politischen Kultur in Russland* // *Berichte des BIOst*. 1995. №10.
- 4 См. «милитаризм» в: *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Bd. 4. Stuttgart, 1978; Alfred Vagts. *A History of Militarism, Romance and Realities of a Profession*. New York, 1937.
- 5 О сущности политического воспитания... Тезисы Н. Подвойского и Вл. Горина (Галкина) // к новой армии. 1920. №1. С. 13.
- 6 Ср. в качестве обзора: Jorg Baberowski. *Wandel und Terror: die Sowjetunion unter Stalin 1928-1941* // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 1995. №43, 1. S. 97- 129.
- 7 К этим факторам см. подробно: Klaus Segbers. *Der Sowjetische Systemwandel*. Frankfurt a.Main, 1989; Jurij Lewada, *Die Sowjetmenschen 1989-1991. Soziogramm eines Zerfalls*. Berlin, 1992; Manfred Sapper. *Die Auswirkungen des Aphganistan-Kriegs auf die Sowjetgesellschaft. Eine Studie zum Legitimitatsverlust des Militarischen in der Perestojka*. Munster, 1994.
- 8 Michael Mann. *The Roots and Cotradictions of Modern Militarism* // Mann Michael. *States, War and Capitalism: Studies in Political Sociology*. Oxford, 1988. P. 166 - 187.
- 9 Оружие для России // *Сегодня*. 1997. 10 июля. К ренессансу казачества ср.: Udo Gebrmann. *Russlands "neue" Kosakenpolitik* // *Osteuropa*. 1966. 9, 46. S. 548-564.
- 10 Wolfgang Solsky. *Traktat uber die Gewalt*. Frankfurt a.Main. 1996. S. 29.
- 11 Ср.: *Sustainable Democracy*. Cambridge-New York. 1995; Matthias Rub. *Die Herausbildung politischer Institutionen in Demokratisierungsprozessen* // *Systemwechsel 1. Theorien, Ansätze und Konzeptionen*, hg. v. Wolfgang Merkel. Opladen, 1994. S. 111-137, 113
- 12 О состоянии и мерах ведения борьбы с экономической преступностью и коррупцией в РФ // *Независимая газета*. 1997. 17 января.. За это указание благодарю Франца Прайслера.
- 13 Richard B. Spence. *Servants or Masters? The Military in the .New Russia* // *Civil-Military Relations in the Soviet and Yugoslav Successor States*. Boulder, 1996. P 13- 34, 30; ср. также явное отождествление российского развития и Латинской Америки: Vladimir Shlapentokh. *The Enfeebled Army: A Key Player in Moscow's Current Political Crisis* // *European Security* 1995.4. P. 417-437, 432.
- 14 Серебрянников В. Армия: Социальные аспекты // *Свободная мысль*. 1997. №5. С. 13 - 35.
- 15 Ср.: *Buzan Barry*. *People, States and Fear. The National Security Problem in International Relations*. Brighton, 1983. P. 36-71. См. также интересные размышления о роли недостаточной легитимности и слабости государства при возникновении гражданских войн: *Kalevi J. Holsti*. *The State, War and State of War*. Cambridge-New York, 1996. P. 82 - 98.
- 16 *Blank Stephen*. *Yelsin Fosters a Military Threat to Democracy* // *Transitions*. 2, 196, 16, 11.15.
- 17 Дозе Ф. Военные в парламенте: 1989-1995 // *Политические исследования*. 1996. № 6. С. 79-85.
- 18 К первому опросу см.: Simon Gerhard. *Der patriotische Consens in Russland* // *Aktuelle Analysen des BIOst*. 1997. №11. S. 2. Он опирается на лонгитюдные исследования изменения ценностей в России, проводившиеся Kaariainen. В материале Кеерейнена для BIOst, в котором представлена часть результатов, этот опрос не упоминается. Второй опрос: «Три четверти опрошенных жителей России оценили 1996 год, как плохой для себя, а 90 процентов - как плохой и для страны» (см: *Независимая газета*. 1997. 16 января).

19 Рогов Сергей. Россия и США на пороге XXI века // Свободная мысль. 1997. N24. С. 31. Данные основываются на: World Military Expenditures and Arms Transfers, 1993-1994. Washington, 1995; Россия в цифрах. 1995. М., 1996; Statistical abstract of the United States 1995. Washington, 1995.

20 Рогов Сергей. Указ. сеч., с. 36.

21 Кокошин Андрей. Военно-политические и экономические аспекты реформы Вооруженных сил России. // Военная мысль, 1996 N2 6. С. 2 - 11,9.

References

Electronic reference

Manfred Sapper, « Повседневность Воинственности в России : Наследие Милитаризованного Социализма ? », *The Journal of Power Institutions in Post-Soviet Societies* [Online], Issue 3 | 2005, Online since 03 October 2005, connection on 04 February 2012. URL : <http://pipss.revues.org/381>

Author

Manfred Sapper

Chief Editor, Osteuropa

Copyright

Creative Commons License

This text is under a Creative Commons license : Attribution-Noncommercial-No Derivative Works 2.0 Generic

Abstract

Militarization of society and culture have been a key characteristic of the Soviet era. Deeply rooted in the Civil war period, militarism got reinforced and consolidated with the Great Patriotic War, which largely succeeded in legitimising military values and creating consensus on their importance both in society and in State institutions. *Perestroika* and the fall of the Soviet Union are a testimony to the consensus' crisis, with the Afghan war as a main element of the de-legitimacy of militarism. Thus, the 1990s are analysed as an attempt for society and statehood to bypass militarism ; but institutional change does not mean the end of it. Post-Soviet period is characterized by a double and contradictory evolution : on one hand, an increasing rejection of the military ; on the other hand, a widespread use of (military) violence, on a daily basis as well as on a large scale, with the war in Chechnya.

Keywords : Russian Army, Russia, Militarism, Patriotism

Research Fields : Political Science